

нию концепции развития региона и, главное, по ее претворению в жизнь. С другой стороны, реализация этой идеи даст новый импульс к социально-экономическому развитию территории и неуклонному повышению уровня и качества жизни проживающего на ней населения.

Б.Л. Токарский

доктор экономических наук, профессор

Т.П. Касьянова

*начальник отдела труда и трудовых отношений
Главного экономического управления комитета
по экономике и финансам администрации г. Иркутска*

А.А. Марасанова

ассистент

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ МАСШТАБОВ БЕДНОСТИ В ГОРОДЕ ИРКУТСКЕ И ПУТИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Переход российского общества к рыночным отношениям обострил социальные проблемы широких слоев населения. В результате десятки миллионов людей стали нуждаться в социальной помощи. Это потребовало создания и развития нового социального института — социальной защиты населения. Система социальной защиты должна быть ориентирована на широкие слои населения, но ее реальное воплощение по отношению к различным социальным слоям должно быть дифференцированным: здоровым, трудоспособным, активным членам общества она должна помогать получать равные возможности в социальной сфере, а нетрудоспособным и социально уязвимым слоям и группам населения (инвалидам, пенсионерам, неполным и многодетным семьям, детям и др.) — создавать необходимые условия для жизнедеятельности.

Поэтому, формируя стратегию социальной защиты населения крупного города, следует учитывать специфику состава населения как объекта социальной защиты и получать своевременную информацию о состоянии, динамике, тенденциях изменения его уровня жизни и масштабов бедности. В этом отношении наряду с данными статистического учета особую ценность представляют результаты социологических исследований.

Наиболее полно обосновать указанную стратегию можно с помощью оценки уровня жизни населения. Под уровнем жизни в

данном случае понимается комплексная социально-экономическая категория, которая отражает уровень развития физических, духовных и социальных потребностей, степень их удовлетворения и условия, созданные в обществе для развития и удовлетворения этих потребностей. На уровень жизни воздействует множество факторов: материальные (уровень денежных доходов, доля затрат на питание в бюджете семьи, структура расходов), профессионально-трудовые (наличие работы, возможность профессионального роста, удовлетворенность работой), социальные (уровень медицинского обслуживания, качество жилищных условий) и пр.

В январе 2006 г. коллективом кафедры социологии и социальной работы Байкальского государственного университета экономики и права под руководством профессора Н.М. Токарской в рамках проекта «Стратегии социальной защиты населения крупного сибирского города» было проведено очередное социологическое исследование уровня жизни и процессов маргинализации населения г. Иркутска. Исследование проводилось в форме анкетного поквартирного опроса, выборка для которого была сформирована трехступенчатым стратифицированным методом. На первой ступени были отобраны 20 районов города, представляющих все административные округа и жилые массивы. На второй ступени отбиралось по одному многоквартирному дому в каждом районе. Из каждого дома опрашивались по 10–15 чел. На третьей ступени проводился отбор респондентов по полу и возрасту. Социально-демографическая структура опрошенных практически соответствует реальной социально-демографической структуре населения г. Иркутска.

Результаты предпринятого исследования правомерно сопоставить с результатами аналогичных исследований, проводимых ранее в г. Иркутске (социологические исследования жизненного уровня населения и процессов маргинализации в 2001–2003 гг., выполненные коллективом кафедры социологии и социальной работы Байкальского государственного университета экономики и права, руководитель исследований — профессор Н.М. Токарская).

Интегральным показателем, отражающим уровень жизни населения, является среднемесячный доход на 1 чел. Денежные доходы выступают основным реальным и синтезирующим индикатором уровня жизни. Доход является важнейшим социально-дифференцирующим и экономическим фактором уровня потребления и уровня социального неравенства¹.

¹ Богомолова Т., Тапилина В. Мобильность населения России по доходам в середине 90-х годов: Микроэкономика 2 (поведение домохозяйств) / Российская программа экономических исследований. М., 2000.

Проведенные социологические исследования отразили следующую картину. Средний размер фактического дохода на 1 чел. в семьях из различных социальных слоев населения в 2001 г. составлял от 1,5 до 6,5 тыс. р., в 2002 г. вариация данного показателя находилась в интервале от 3,0 до 10,8 тыс. р. В 2003 г. дифференциация фактических доходов практически не отличалась от показателей 2002 г. и составила от 2,6 до 10,6 тыс. р. В 2006 г. отмечается абсолютный рост рассматриваемого показателя. В результате его величина составляет для предпринимателей 14,0 тыс. р., для пенсионеров 3,7 тыс. р. Повышение уровня фактического дохода в 2002, 2003 и 2006 гг. наблюдалось у всех категорий опрошенных, но наиболее значительным оно было в семьях предпринимателей, военнослужащих и рабочих — почти в 2 раза. Заметное увеличение среднедушевого месячного дохода у учащихся (студентов) можно объяснить тем, что в выборочную совокупность попало значительное количество работающих представителей данной социальной категории.

Большинство опрошенных (77–79%), по данным всех опросов, в качестве преобладающего источника денежных средств в бюджете семьи отмечали и отмечают заработную плату по основному месту работы. Значительно увеличилась доля респондентов, направляющих свое материальное положение за счет дополнительных доходов (с 4 до 18%). В 2006 г. среди тех, кто пытается таким образом улучшить свое материальное положение, почти половина совмещают основную и дополнительную работу на своем предприятии (51,3%), а четверть подрабатывают на других предприятиях (25,6%); остальные же пытаются заработать, оказывая разного рода услуги — по строительству и ремонту, по пошиву одежды, репетиторские услуги. Примерно для 5% респондентов преобладающим является доход от предпринимательской деятельности. Понижается значимость в структуре доходов социальных пособий: с 2001 по 2003 г. их доля снизилась с 10,9 до 2,1%, в 2006 г. она составила 4,5%. Около 1–3% в структуре семейного бюджета занимает доход от личного подсобного хозяйства.

В то же время номинальное увеличение размера доходов домохозяйств не всегда свидетельствует о реальном улучшении материального положения. Очень важным в контексте изучения уровня доходов населения является сопоставление оценки фактических размеров и динамики доходов с субъективными представлениями людей о своем материальном благосостоянии относительно среднего, привычного стандарта жизни или уровня потребления окружающих людей. Для характеристики относительного уровня доходов

населения использован метод самооценок и косвенных вопросов. Удельный вес респондентов, относящих себя к так называемому «среднему слою», несколько снизился к 2006 г. по сравнению с 2001 г. (с 53,7 до 49,6%). Но если уменьшение доли семей «среднего класса» за 2001–2003 гг. произошло за счет увеличения количества более состоятельных граждан и уменьшения числа малообеспеченных семей, то в 2006 г. ситуация диаметрально противоположна: практически в 2,5 раза возросла доля беднейших семей, в то время как доля обеспеченного населения несколько снизилась. Последнее свидетельствует об увеличении разрыва в уровнях доходов жителей города и, соответственно, об усилении социально-экономической напряженности в Иркутске.

Субъективная оценка респондентами изменения уровня дохода семьи тоже отражает некоторое ухудшение материального положения иркутян за исследуемый период. Если в 2001–2003 гг. больше половины опрошенных (54,5%) считали свое материальное положение стабильным; около трети опрошенных указали на положительные сдвиги в состоянии семейного бюджета; до 12,2% уменьшилось количество тех, кто отметил ухудшение материального положения семьи, то в 2006 г. оценки несколько иные: до 47,6% снизилась доля респондентов, заявивших, что их материальное положение не изменилось за прошедший год, в то же время до 18,3% увеличилась доля иркутян, отметивших снижение уровня семейного дохода.

Полученные данные тесно коррелируют с субъективной оценкой респондентами материального положения их семей. По данным опросов 2001–2003 гг., доля респондентов, оценивавших материальное положение семьи как плохое или очень плохое, несколько уменьшилась (в целом на 5%) и составила 22,4%, а доля тех, кто считал свое материальное положение хорошим, возросла до 23,6%. В 2006 г. на 9% снизилась доля тех, кто оценивает свое материальное положение как хорошее, и увеличилась примерно на 9% доля тех, кто считает его плохим.

Оценка материального положения семьи тесно связана с понятием прожиточного минимума. Предпринятая исследовательской группой попытка выявить субъективные критерии определения прожиточного минимума привела к следующим результатам: большая часть взрослого населения Иркутска (65,7% в 2001 г. и 53,0% в 2003 г.) рассматривают прожиточный минимум как уровень дохода, обеспечивающий «более или менее приличное существование», а не как «уровень физического выживания», соответствующий официальным оценкам. Таким образом, боль-

шинство людей прожиточный минимум скорее соотносят со сложившимися в обществе стандартами жизни. Причем интересна такая специфика: в 2001–2003 гг., когда в целом данные исследований свидетельствовали о тенденции улучшения материального положения респондентов, доля опрошенных, выбравших данный вариант ответа, уменьшалась, а в 2006 г., с выявлением негативных тенденций в оценке жизненного уровня иркутян, доля таких респондентов увеличивается.

При субъективной оценке критериев определения прожиточного минимума замечено следующее: в большей мере склонны воспринимать прожиточный минимум как доход, обеспечивающий более или менее приличное существование, лица с низкими доходами; среди лиц с более высоким достатком выше доля тех, кто характеризует прожиточный минимум как доход, достаточный для физического выживания. Это частично можно объяснить тем, что для относительно обеспеченных слоев населения, к которым в первую очередь относится слой предпринимателей, даже средний сложившийся уровень потребления и стандарт жизни, характерный для большинства людей, являются неприемлемыми и заниженными.

Таким образом, прожиточный минимум понимается большинством населения не как доход, обеспечивающий уровень физического выживания (который практически соответствует стоимости потребительской корзины, используемой для расчетов прожиточного минимума), а как уровень нормального среднестатистического существования. Доходы значительной части населения города столь низки, что прожиточный минимум у них не ассоциируется с понятием «физическое выживание», поскольку для них размер прожиточного минимума не далек от размера среднедушевого дохода.

Вместе с тем население четко различает понятия «прожиточный минимум» и «бедность». Именно последнее понятие в большей мере связывается людьми с официальными расчетами прожиточного минимума. На вопрос: «Что можно считать признаком бедности?» — три четверти респондентов отвечают, что это «нехватка средств на самое необходимое», а одна четверть — что это «нехватка средств, чтобы жить как окружающие». Причем если с 2001 по 2003 г. увеличивалось число респондентов, оценивавших бедность в сравнении с окружающими, и уменьшалось число тех, кто оценивал бедность в традиционном понимании (что свидетельствовало о повышении требований населения к качеству жизни), то в 2006 г. тенденция ответов диаметрально противоположна.

Данные и официальной статистики, и социологических исследований показывают, что население страны в массе своей очень бедно. Оно уже мирится со многими лишениями. Кроме того, весьма значительный разрыв между субъективными представлениями людей о величине прожиточного минимума и о бедности подтверждает, что прожиточный минимум понимается населением скорее как средний уровень жизни, сложившийся в данном обществе, соответственно, средний уровень доходов, хотя величина «нормального дохода» (обеспечивающего средние для данного общества стандарты жизни) превосходит величину реального прожиточного минимума примерно на столько же, на сколько последний превосходит официальную величину прожиточного минимума. Такая ситуация свидетельствует о бедности общества в целом.

Итак, за последние годы не произошло сколько-нибудь заметного роста показателей уровня и качества жизни иркутян. Напротив, эмпирические данные за 2001–2006 гг. свидетельствуют о том, что по ряду позиций позитивная динамика, наметившаяся в 2002–2003 гг., к 2006 г. опять стала замедляться.

Анализ результатов социологических исследований уровня жизни, как правило, приводит к выводу о целесообразности выделения трех уровней при разработке комплексных программ преодоления бедности и роста уровня жизни населения: федерального, регионального и уровня местного самоуправления.

На федеральном, государственном уровне необходимо, наконец, признать, что современный низкий жизненный уровень населения является серьезным ограничением для развития экономики и общества. Дело не только в том, что у бедного в своей массе населения не может сформироваться достаточный платежеспособный спрос, но и в том, что значительная часть населения вообще не способна и не хочет что-либо предпринимать для улучшения своего положения. А с людьми, которые считают, что могло быть еще хуже и надо терпеть, рассчитывать на рост экономики совершенно нереально.

На региональном (областном) уровне необходимо решение следующих задач:

- снижение уровня безработицы путем стимулирования развития малого и среднего бизнеса;
- стимулирование развития сельскохозяйственного производства;
- увеличение объемов строительства объектов социальной инфраструктуры и бытовой сферы;
- проведение реальной борьбы с коррупцией, бюрократизмом и волокитой, наведение порядка в работе соответствующих учреждений, местной администрации, силовых структур;

- активизация усилий по участию в реализации национальных (президентских) проектов на территории области;
- борьба с бедностью путем реализации программ социальной адаптации, экономической реабилитации и поддержки социально уязвимых слоев населения.

Таким образом, социальная политика при разработке программы социально-экономического развития г. Иркутска должна быть направлена на решение следующих ключевых проблем:

- повышение уровня занятости и доходов населения;
- преодоление бедности;
- формирование среднего класса;
- оказание социальной поддержки населению.

А.О. Аракшинов
соискатель

С.А. Инкижинова
*кандидат социологических наук,
старший преподаватель*

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕГРИРОВАННОЙ ОЦЕНКЕ ЦЕЛЕВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Появление новых социальных программ требует поиска подходов к комплексной оценке их эффективности. В настоящий момент в Иркутской области одновременно реализуются такие государственные социальные программы, как «Старшее поколение», «Социальная поддержка населения», «Социальная адаптация и реабилитация инвалидов», «Дети-инвалиды» и т.д.

В литературе существует большое разнообразие подходов к определению эффективности подобных программ и мероприятий. В одном случае подчеркивается, что эффективность социальных мероприятий формулируется как максимально возможное в данных условиях достижение целей по удовлетворению социальных потребностей населения при оптимальных затратах¹. Однако не учитывается, что социальные службы подчиняются региональным и муниципальным органам управления и находятся на их ресурсном обеспечении, а затраты на проведение социальной по-

¹ Попов В.Г. Эффективность социальной работы — общий взгляд // Российский журнал социальной работы. 2001. № 1/5. С. 34–37.